

Л. И. СЕМЕННИКОВА

Цивилизационные парадигмы в истории России. Статья 1

В перипетиях современной нестабильной и неустойчивой жизни важное место занимает проблема самоидентификации общества, осознания им своей сущности, специфики и места в мировом сообществе. Тупикивость многих нынешних политических ситуаций в России в значительной мере вызвана тем, что реформаторы слабо осознают глубинные, веками складывавшиеся особенности страны и выбирают такие варианты реформ, которые отторгаются общественным организмом. Представление, что советский народ — это авангард человечества, прокладывающий путь к «раю на земле» — коммунизму, для многих потеряло реальный смысл, а для молодежи, которая не знает «той» жизни, является китайской головоломкой. Предлагаемые взамен варианты крайних западников («страна рабов», «вечно догоняющая») и ура-патриотов («святая Русь») ничего не объясняют и слабо согласуются с реальностью. Так что же такое Россия?

Все чаще для определения сущности России используется понятие «цивилизация» в той или иной трактовке. Коммунисты, монархисты и либералы легко вписали свои идеи в эту концепцию. То тут, то там сталкиваешься со словосочетанием «российская цивилизация», или «русская цивилизация». При всей разнице в позициях и либеральные, и коммунистические, и патриархально-консервативные версии российской цивилизации исходят из особенностей русской ментальности, русской культуры, русского православия, поскольку рассматривают Россию как целостность. Некоторые политики и деятели культуры национально-патриотического направления при слове «Россия» буквально впадают в эйфорию, и тогда понятие «российская цивилизация» звучит как заклинание, как новая Каббала, которая апеллирует не к разуму, а к вере или даже суеверию. Все это далеко не безобидно. Здесь таится опасность манипулирования общественным сознанием, в котором отсутствует четкое историческое миропонимание — старое разрушилось, новое складывается медленно и трудно.

Наблюдаемые и среди политиков, и среди ученых активные попытки выделить чисто русскую составляющую судьбы России и именно с ней связать представление как о прошлом, так и о будущем страны, на мой взгляд, малопродуктивны в научном плане и опасны в политическом. Да, русский народ создал богатейшую культуру. Да, российское государство создавалось как русское! Но эти обстоятельства не исчерпывают специфики российского мира. Используя цивилизационный подход, необходимо помнить, что Россия—СССР является государством, т. е. продуктом политических процессов: завоеваний, дележа территорий,

Семенникова Любовь Ивановна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Института государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

добровольных присоединений, отсоединений и т. п. Причем это государство возникло на стыке христианского мира, мусульманской цивилизации, классического (буддийского) Востока и огромного региона, являвшегося ареалом расселения кочевых и полукочевых обществ, которые условно можно назвать «природными». Россия — особый, исторически сложившийся конгломерат народов, относящихся ко всем существующим типам цивилизаций, объединенных мощным централизованным государством.

Множество народов с разной цивилизационной ориентацией, входивших в состав государства, превращало Россию в неоднородное, сегментарное общество. Это значит, что существует не одна (русская) Россия, а «много России» в одном государстве. В разное время и в разном объеме в ее составе находились «природные» сообщества (народы Сибири и Севера Европы, исповедующие язычество), анклав мусульманской цивилизации (Поволжье, Казахстан, Средняя Азия, значительная часть Кавказа), а также буддийские регионы (Калмыкия. Тува, Бурятия, Хакассия), регионы с населением, относящимся к европейской цивилизации (Финляндия, Польша, Прибалтика, некоторые другие западные районы). Эти народы исповедуют ценности, которые не всегда можно сочетать, сращивать, интегрировать. Татаро-мусульманские, монголо-ламаистские, православные, католические, протестантские, языческие и др. ценности нельзя механически свести воедино, подчинить православию. Поэтому Россия не имеет социокультурного единства, целостности, и ее специфику нельзя зафиксировать в рамках альтернативы «Восток—Запад» (через наличие восточных и западных черт); она не является самостоятельным цивилизационным типом, определяемым, например, как Евразия. Дореволюционная Россия на протяжении столетий сохраняла и преумножала свой социокультурный и духовный плюрализм. Сущность России пытались изменить в советское время, но безуспешно (это показал распад СССР). Неоднородным в цивилизационном отношении обществом остается Россия и сейчас.

Россия—СССР не может рассматриваться как единая цивилизация. Речь должна идти, на мой взгляд, лишь о цивилизационных характеристиках определенных ее сегментов (регионов), о формах их сосуществования и взаимодействия в рамках единого государства, а также об определенных цивилизационных парадигмах развития, которые менялись от этапа к этапу ее истории.

Россия русская

Древняя Русь, куда уходят истоки истории и культуры трех народов — русского, украинского, белорусского,— развивалась по европейскому типу и являлась частью Европы, которая постепенно втягивалась в полосу модернизации, породившей современную европейскую цивилизацию. Особенности культуры и общественной системы Древней Руси свидетельствуют, что в исторической перспективе после распада раннего государства тенденция развития могла быть аналогичной Европе: складывание национального государства, образование единого большого народа как части европейской цивилизации. Однако XIII век внес коррективы в судьбу древнерусских земель. Они оказались под напором западной (католической) и восточной (татаро-монгольской) экспансий, которые привели к разрушению наметившейся социокультурной целостности и определили по крайней мере три линии развития. Западные и юго-западные земли длительное время входили в состав Литовского государства и являли собой периферию Европы. Здесь происходило формирование украинского и белорусского народов. На северо-западе Новгородская республика, избежав разрушения и сохранив независимость, на протяжении четырех столетий (XI—XV века) была частью Европы, являясь аналогом городам-республикам Ганзейского союза, городам-республикам Италии. Земли северо-восточной Руси подверглись масштабному разрушению в ходе татаро-монгольского нашествия и попали в зависимость от

Золотой Орды. Они оказались в духовной, политической и культурной изоляции от Европы, от христианского мира, под сильным восточным влиянием.

Формирование русского (великорусского) народа и создание Московского государства на северо-востоке Руси совпали по времени. Государство создавалось в борьбе за независимость как русское, православное. Русские сохранили некоторые связи с другими славянскими народами: славянское письмо, славянский язык, общие традиции. Однако надо помнить, что реально славянского единства уже не существовало. Славянская цивилизация, которая действительно складывалась в начале II тыс. н. э., была рассечена мощными потоками цивилизационной экспансии, пути славянских народов разошлись. Западные славяне (поляки, чехи, словаки) стали частью европейской цивилизации. Уже в XV—XVI веках у западных славян община была разрушена и утверждались индивидуализм, частная собственность, ответственность власти перед обществом. У южных (сербы, болгары и т. д.) и восточных (русские, украинцы, белорусы) славян сохранилась общность духовной и культурной традиции, опирающейся на православие, пришедшее из Византии, и приверженность общинным идеалам. Поэтому периодически возрождавшаяся идея общеславянского единства имела своих приверженцев в основном среди южных и восточных славян.

Для возникавшего и утверждавшегося на северо-востоке Руси единого государства в силу исторических обстоятельств характерна восточная цивилизационная ориентация. Причем термин «восточный» в данном случае объединяет все неевропейские влияния и контакты: византийские, мусульманские, классического Востока (особенно Китая, культура которого была воспринята завоевателями). В отношениях государства и населения утвердились отношения подданства (как на Востоке), а не вассалитета (как на Западе). Вассалитет в отличие от подданства включал понятие свободы, предполагал определенную автономию общества (и личности) от власти. Отношения вассалитета, зародившиеся в Древней Руси, разрушались.

Древнерусская традиция постепенно трансформировалась, но ее корни сохранялись. Продолжала существовать династия Рюриковичей, которая должна была свидетельствовать об укорененности государства в истории. При этом уже в конце XV века установилась неограниченная единоличная власть московского великого князя. Не только простой хлебопашец, но и знатный боярин были холопами великого князя. Перед лицом государственной власти все оказались равны: бояре и черные люди, светские и церковные. Все зависели от государства. При этом существенно возросла и роль религии.

В конце XV века Московская Русь получила независимость. Однако восточные черты в общественной организации и культуре не только не ушли в прошлое, но, наоборот, были упрочены. В эпоху Ивана Грозного Московское государство вплотную подошло к типу восточной деспотии (царство). Важнейшая для молодой страны проблема соотношения власти и общества была решена в пользу приоритета власти — завершилось формирование самодержавия. Главной социальной опорой власти стала бюрократия, численность которой постоянно росла. Частная собственность, которая начала утверждаться в домонгольский период, была ликвидирована. Власть становилась верховным собственником, а за гражданами признавались только права владения. Государство, держава, обретенные в ходе борьбы за независимость, рассматривались как главные национальные достижения и достояние. Этатизм, приоритет государства и государственности стали яркой чертой ментальности русского народа. Интересы государства и личности общества оказывались слиты, нераздельны.

Государство рассматривалось как предмет национальной гордости. Любое ослабление государства, а тем более его крушение (что происходило в истории не однажды) наносило сильный удар по национальному самосознанию, вело к росту национализма. В период существования Российской Империи (XVIII — начало XX века) «национальная гордость великороссов» часто перерастала в великодержавность, что было присуще всем империям того времени. Огромное много-

национальное государство рассматривалось как русское, а история страны была прежде всего историей русских. Это подпитывалось тем, что огромные (чаще всего слабо заселенные) территории Сибири, Казахстана, Средней Азии, да и другие районы осваивались русскими ценой каторжного труда, самоотречения, подвига.

Эти особенности государственного строя и общественного сознания благополучно пережили последующие попытки модернизации, эфемерные надежды на построение коммунизма и продолжают оказывать влияние сегодня, отражаясь на ходе реформ. В период Московского государства сформировалась еще одна особенность русского общества, которая пережила многие столетия и сопротивлялась разрушению, — корпоративность. Власть имела дело не с гражданами, а с корпоративными структурами разного вида и соподчиненности: родовыми корпорациями, посадскими общинами, купеческими сотнями, общинами свободных черносошных крестьян, основанными на принципах прямой демократии, казачьими общинами, основанными на принципах военной демократии. Даже у крепостных крестьян существовали община и традиции прямой демократии. Государственная бюрократия также являлась корпоративным слоем, имеющим свои интересы. Высший слой бюрократии формировался родовыми корпорациями знати на основе норм местничества вплоть до конца XVII века (своеобразная средневековая «номенклатура» — знатный род имел право замещать определенные места в госаппарате своими представителями).

В дальнейшем нормы местничества были отменены, но корпоративность бюрократии даже усилилась. Каждый человек был связан с определенной корпоративной ячейкой, в рамках которой складывались своим коллективистские взаимоотношения, коллективистские нормы нравственности, социокультурные предпочтения и общественные идеалы. Большинство русского населения было связано с крестьянской территориальной общиной — миром, в рамках которого утверждались принципы уравнительности, коллективизма, политическая культура, основанная на нормах прямой общинной демократии (крестьянство составляло большинство русского населения вплоть до индустриализации в советское время). Община являлась важнейшим социальным институтом русского народа на протяжении всей его истории.

К слову, корпоративность широко распространена в мире и в прошлом, и в настоящем, а ее исторический опыт очень богат и нагляден (от обществ классического Востока до фашистской Германии). Корпоративная структура общества требует сильного централизованного государства, которое связывает воедино общины, осуществляет функции управления, распоряжения собственностью, идеологического, духовного, политического контроля и т. п. Власть при этом не ограничена и не стеснена никакими рамками, полностью подчиняет общество. Государство предстает как самодовлеющая сила, стоящая над человеком, регулирующая все многообразие отношений между людьми. В таких обществах страх поданных перед всеилием власти сочетается с безграничной верой в ее носителей, их обожествлением. Условие существования такого государства — господство государственной и общественной (коллективной) собственности.

Особенностью «русской» России являлось то, что даже во времена самого жестокого деспотизма власти на низовом уровне (община) существовала прямая демократия: выборность старейшин и атаманов, согласование индивидуальных интересов, коллективное принятие решений и т. п. Однако демократия не развивалась, а была как бы «законсервирована» на уровне корпоративных ячеек. При этом важно помнить, что прямая демократия «работает» лишь в рамках небольших сообществ. Большие общественные системы на принципах прямой демократии существовать не могут, необходим переход к представительной демократии. Однако это невозможно при корпоративной структуре, так как при ослаблении контроля государства общество распадается, что представляет собой страшную социальную катастрофу.

В корпоративных обществах существуют богатейшая духовная жизнь и культура, но развитие идет медленно. Корпоративность, мощное государство

ограничивают социальную мобильность и личную инициативу. Права и свободы граждан крайне ограничены. Социально-экономическое положение большинства народа — бедственное. Важно понять, что при такой общественной системе прогресс столь замедлен, а жизнь так трудна, что корпоративность, коллективизм не только не являются предметом критики, но и становятся для человека важнейшим фактором социальной защиты и выживания. Чем беднее общество, тем сильнее развиты коллективизм и тяга к корпоративности. Социально-классовая структура в подобных условиях сложиться не может, классовые категории к подобным обществам неприменимы. Такие общественные системы очень устойчивы и тяготеют к воссозданию после катастрофы в неизменном виде. В нашей истории особенно ярко это продемонстрировала Смута начала XVII века: после распада и нескольких лет гражданской войны система восстановилась при поддержке общества. Подобные системы не могут изменяться путем эволюции или под давлением массовых движений (массы — за корпоративность). Единственным путем является модернизация — постепенная реконструкция общественной системы, демонтаж корпоративных структур и ограничение власти.

Огромную роль в формировании общественного сознания русского народа сыграло православие. Православие как духовная система отличается рядом особенностей. Оно ориентировало человека на духовное преобразование, стимулировало стремление к совершенствованию души, приближению к христианским идеалам. Это поиск Бога (высших ценностей), правды (идеала), нравственного закона (справедливости, равенства и т. п.). Ставка делалась на духовный уровень как главную определяющую характеристику человека. Каждое деяние полагалось соотносить с определенным православным постулатом — идеалом. Это способствовало появлению такого не известного западному христианству феномена, как духовность. При этом православие не давало стимулов для социального и общественного прогресса, для преобразования реальной жизни людей. Оно призывало к терпению: Господь муки терпел и нам велел. Считалось, чем больше человек страдает при жизни, тем выше будет оценен его подвиг Богом.

Надо иметь в виду еще одну важную особенность. В восточном христианстве (православии) более ярко, чем в западном, выражена идея социального равенства, социализма. Христианство возникло как учение, противостоящее классовой дифференциации и социальному неравенству, которые существовали в Римской империи, и на ранних этапах идея социализма была выражена в нем очень сильно. В западном христианстве, которое постоянно менялось, социализм постепенно превратился в «блудного сына», после бунта неизбежно возвращавшегося в лоно общества. Православие же выступало за верность древности, за близость к истокам, неизменность идеалов, поэтому многое из раннего христианства оставалось актуальным на протяжении столетий, а идея социального равенства была одним из важнейших догматов. Православие всегда обращалось с укором к богатым и с утешением к бедным. Святые на Руси — чаще всего страстотерпцы, великие мученики. Отказ от богатства, жизнь в нищете, аскетизм и даже полное отречение от мира вплоть до ухода в пустынь почитались как признаки высокой духовности. Православие также воспитывало и утверждало коллективизм (соборность), а русская православная церковь была крупнейшей корпорацией в общественной системе, которая объединяла духовно весь народ.

Русские всегда составляли значительную часть населения России, однако с ростом государства доля их снижалась. Огромная роль этого народа в судьбе страны понятна уже благодаря тому, что он всегда был самым большим по численности. Национальное самосознание русских весьма своеобразно. Поле их исторической деятельности — многонациональная среда, мозаичная с точки зрения цивилизационных характеристик. Сама историческая ситуация сделала их открытыми для контактов с другими народами, толерантными к любой этнонациональной среде. Это важнейшее условие их существования и жизнедеятельности. Когда речь идет о русских, не обязательно подразумеваются русские по

крови. Исторически сложившийся феномен заключается в том, что русские не только сами аккумулируют разные расовые и этнонациональные линии, но и включают в свой состав значительное число нерусских, для которых русский язык, русская культура и традиции выступают как естественные и родные. За время существования российского многонационального государства эти группы постоянно росли и в советское время стали особенно многочисленными (их принято обозначать как русскоязычные).

Есть еще ряд факторов, которые необходимо учитывать. Уже с конца XV века русское государство стало разрастаться и превращаться в многонациональное. Этот процесс характерен для всех сообществ, которые находятся в стадии роста, становления либо в стадии кардинальной модернизации, и объясняется потребностью в защищенной территории и ресурсах (людских, финансовых, природных, сырьевых). Но он имеет свои отличия на Западе и на Востоке. Западный тип предполагает выделение метрополии (светское национальное государство) и колониальной периферии в качестве донора. В эпоху модернизации Европы сложились огромные колониальные империи, которые просуществовали до середины XX века. Возник феномен великих держав, служивших опорой мирового равновесия на протяжении нескольких столетий. Восточный тип означал включение других народов в единое государство при доминировании одного народа, находящегося в стадии становления или модернизации. Этот тип был распространён в мире, представлен колоссальными государственными образованиями — Арабский халифат, Византия, Османская Турция, Австро-Венгерская империя и т. п. Доминирование одного народа в рамках многонациональной системы неизбежно до тех пор, пока не созреют предпосылки для демократического общественного устройства: кто-то должен устанавливать общие «правила игры», иначе государство развалится. Возникновение такого государства создавало защищенное поле для жизнедеятельности, гасило локальные конфликты, обеспечивало стабильность, удовлетворяло потребность в ресурсах.

Для России характерен восточный тип. Восприняв византийскую традицию («Москва—Третий Рим»), Московское государство на протяжении почти двух столетий активно расширялось. С середины XVII века внешняя экспансия спала, так как при «московской» парадигме развития, видимо, наступил определенный предел расширения территории — стадия роста прошла. Если бы не было кардинальных изменений в общественной организации, государство, скорее всего, начало бы слабеть, терять территории и, возможно, стало бы добычей более сильных соседей (как произошло с другими империями такого типа). Новый мощный всплеск внешней экспансии (выход к мировым коммуникациям, сырью и рынкам сбыта) связан с волнами модернизации, которые следуют одна за другой с рубежа XVII—XVIII веков. Произошло некоторое сближение с западным типом, в XVIII веке Россия вошла в круг великих держав, обрела устойчивую зону геополитического влияния и ответственности. Но характер империи остался типично восточным. Не изменился он и в советское время: приобретенные территории включались в состав единого государства при доминировании русского народа. Русские и русскоязычные на протяжении пяти столетий определяли «правила игры» в рамках Российского государства. Тем не менее это не дает основания сводить историю России только к истории русских: это означало бы уход от сложной и противоречивой реальности, которая существенно влияла и на судьбу русского народа.

В условиях цивилизационно неоднородного общества важную роль играет межкультурный диалог и связанный с ним феномен культуры (языков)-трансляторов. Этот феномен породила эпоха колониальных завоеваний. Достижения разных народов через культуры (языки)-трансляторы становились доступными многим другим народам. В XVIII—XX веках в этой роли выступали французская, испанская, англоязычная культуры. В современных условиях англоязычная культура постепенно превращается в мировой транслятор, обеспечивающий доступ к культурному потенциалу почти всей планеты. Культуры (языки)-трансляторы —

историческое явление, безусловно, положительного ряда. Они выполняют важные задачи: обогащают свою и другие культуры, стимулируют межцивилизационный диалог, выводят на мировой уровень достижения разных, больших и малых народов, способствуют общественному прогрессу. Особенно заметно их влияние в XX веке, когда межцивилизационный диалог поднялся на новый уровень, приобрел глобальный характер. Понятие «мировой уровень культуры» возникло благодаря культурам-трансляторам.

Русская культура (русский язык) также постепенно (с XVIII века) превратилась в транслятор на территории огромного многонационального субконтинента, входившего в состав Российского государства. Почему именно с XVIII века, а не раньше, ведь государство было многонациональным и в XVI веке? Дело в том, что культура может выполнять роль транслятора при двух взаимосвязанных условиях: 1) она должна быть светской; 2) она должна быть открытой. Светская русская культура появилась в XVIII веке, тогда же начался процесс ее превращения в межнациональный транслятор. Произведения культуры, достижения, самобытные идеи разных народов через русскую культуру, с помощью русского языка становились достоянием всей страны, а затем транслировались и на весь мир. Через русскую культуру к нерусским народам приходило многое из мирового опыта. Каналов межцивилизационного обмена было немало. Общая экономика, общие территория и правовое пространство в рамках Российского государства создавали естественные стимулы для межнациональных контактов. Особенно интенсивными они были в городах, число которых постоянно росло. Роль русской культуры как транслятора в межцивилизационном обмене в полной мере еще предстоит оценить.

Россия «разная»: многонациональное сообщество

Исторически Россия сложилась как огромное, крайне сложное общество. К началу XX века на ее территории проживало 165 народов. По статистическим данным, в 1913 году население страны составляло около 174 100 тыс. человек. Православных было 69,9% (русские, украинцы, белорусы, грузины, крещенные народы Поволжья, Сибири, а также новокрещенцы из магометан, иудеев и т. п.), магометан — 10,8%, католиков — 8,9%, протестантов — 4,8%, иудеев — 4%, армян-грегорианцев — 0,9% [1]. Язычники и приверженцы ламаизма статистикой не учитывались, так как считались идолопоклонниками. Подавляющая часть христиан всех направлений жила в европейской части страны.

В общественной системе были широко представлены «природные» сообщества, которые вели кочевой или полукочевой образ жизни и существовали в единстве и гармонии с природой. На протяжении 100 лет (с конца XVI до конца XVII века) шла колонизация Сибири, которая в основном была заселена народами, относящимися к «природным» сообществам (чукчи, ненцы, эвенки, удэгейцы, эскимосы и др.), духовная жизнь которых связана с язычеством (шаманизм). Особенность подобных сообществ — общинный коллективизм, отсутствие поступательного развития, прогресса. Включенные в природные процессы, не отделяющие себя от них, эти сообщества разрушаются и деградируют под напором чужой цивилизации.

«Природные» сообщества, которые жили в зонах, представлявших резерв для расширения влияния развивающихся цивилизационных формирований, постепенно становились объектом цивилизационного воздействия и общались к иным культурным традициям. Так, Южная Сибирь (Прибайкалье и Забайкалье) являлась зоной цивилизационного влияния классического Востока. С конца XVII века и на протяжении XVIII—XIX веков в этих районах формировались буддийские анклавы (ламаистского толка) — буряты, хакасы. Это происходило при поддержке русских властей, которые выказывали заинтересованность в преодолении язычества. Здесь господствовал коллективизм, общественное сознание ориентировалось на религиозные идеалы. Буддийская духовная традиция ставит

целью освобождение человека от страданий, которые он испытывает в реальной жизни, путем нравственного совершенствования, ухода от социальной действительности и погружения в нирвану. Для ламаистов характерно обожествление высших служителей культа, а также светских правителей (к примеру, Екатерина II для бурят была живой богиней Дара-Эхе). В XVII—XVIII веках улусы Калмыцкого ханства также вошли в состав Российского государства. Образовавшееся на развалинах монгольского государства, ханство сохранило связь с классическим Востоком, откуда пришли когда-то завоеватели, и расширило буддийские (ламаистские) анклав в составе российского общества. Для этих анклавов характерен кочевой и полукочевой быт.

Уже в середине XVI века в состав России были включены анклав мусульманской цивилизации — Казанское и Астраханское ханства. Затем мусульманский сегмент страны постоянно увеличивался благодаря присоединению Крымского ханства, мусульманских народов Кавказа. В XVIII—XIX веках в состав России были включены огромные территории Казахстана, служившие полем исторической деятельности богатой традициями кочевой цивилизации. Происходило это частью добровольно, но преимущественно военным путем. Средняя Азия, включенная в состав России во второй половине XIX века, была также мусульманской и представляла собой в отношении общественного устройства мозаичную территорию. Одну треть населения составляли сарты (узбеки, таджики, арабы, татары и др.), которые вели оседлый образ жизни. Они создавали основу трех государственных образований, основанных на принципах подданства, — Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Две трети населения составляли кочевники и полукочевники (киргизы, узбеки, туркмены, курама, каракалпаки и т. д.), которые находились в зависимости от этих государственных образований. Для мусульманской цивилизации характерны корпоративность и, следовательно, потребность в сильной власти. Ислам создавал особый духовный климат и играл колоссальную роль в жизни общества, поскольку включал развитую правовую систему. Религия пронизывала все сферы общественной жизни: от властных структур до личной жизни человека. Религиозные установления суровы: жизнь людей даже в мелочах должна соответствовать требованиям ислама. Детальная регламентация религиозными институтами сдерживала процесс изменений, ограничивала прогресс. Поэтому развитие мусульманских сообществ шло медленно, они тяготели к неизменности, были преданы традициям.

Кочевники Средней Азии и Казахстана, Поволжья (казахи, киргизы, башкиры и т. д.) стали резервом для расширения мусульманской цивилизации. Они приняли ислам, но на протяжении столетий сохраняли традиции культуры кочевого типа. Мусульманская духовная традиция у кочевников не была глубокой и устойчивой. Вот что писал В. Наливкин: «Киргиз... допускал некоторое влияние шариата на свою жизнь в области одной только религии, к которой он относился довольно безразлично, в большинстве случаев не зная даже тех молитв, из которых состоит обязательный для каждого мусульманина намаз... Просветительские и миссионерские попытки сартовских книжников в то время (до прихода русских. — Л. С.) по большей части оставались малоуспешными» [2, с. 47, 48]. Мусульманский сегмент в Российском государстве был масштабным, но неоднородным. Его ядро составляли оседлые народы, которые имели в прошлом государственность и богатую духовную традицию.

Сюда же надо отнести горские народы Северного Кавказа, которые жили вольными сообществами на основе родовой или клановой общины. Но в большей своей части — и по территории, и по численности населения — мусульманский сегмент был представлен кочевниками, полукочевниками, т. е. цивилизационным резервом. Расширение мусульманской цивилизации за счет кочевых сообществ означало, что в исторической перспективе кочевники должны перейти к оседлой жизни (как это произошло с арабами после принятия ислама). Однако процесс этот, если он протекает естественно, занимает несколько столетий при условии постоянных контактов с оседлым населением. Так, переход башкир к оседлой

жизни занял три столетия (XVII—XIX века) несмотря на поощрение со стороны властей. Важно отметить, что ареал жизнедеятельности кочевников и полукочевников составлял не менее двух третей территории Российской Империи. До включения в состав России политическая консолидация кочевников не продвигалась дальше союза племен. Земля считалась коллективной собственностью рода или племени.

Если на восток и даже на юг границы России в масштабах исторического времени продвигались стремительно, то западная граница изменялась медленно, так как здесь были сильные государства, принадлежавшие к европейской цивилизации — Речь Посполитая (объединенное польско-литовское государство, в составе которого находились Украина и Белоруссия) и Швеция, контролировавшая Прибалтику и стремившаяся расширить свое влияние на восток. Вхождение в состав России Левобережной Украины на особых условиях в результате национально-освободительной борьбы в середине XVII века несколько изменило положение дел (хотя и несущественно). Ситуация с западными границами кардинально изменилась в XVIII веке; позиции Швеции на восточных берегах Балтики были ослаблены, а Речь Посполитая перестала существовать как самостоятельное государство.

В состав России были включены Прибалтика (Латвия, Эстония, Литва), Западная Украина (без Львова), Белоруссия. В начале XIX века к России отошли еще некоторые анклавы европейской цивилизации: Герцогство Варшавское (Королевство Польское) по решению Венского конгресса 1814—1815 годов, Великое княжество Финляндское в результате войны со Швецией 1808—1809 годов. Это были не самые передовые части Европы, но все же там утверждались частная собственность, индивидуализм, рыночные отношения, автономия общества от власти, характерные для западной цивилизации. Общественная жизнь носила светский характер, хотя христианство (католицизм и протестантизм) сохраняло важные позиции. Уровень развития этих регионов был выше, чем Центральной России, не говоря уже о Сибири и других частях империи. Однако и численность населения, и территория регионов были невелики по сравнению с просторами страны, расположенной на двух континентах.

Таким образом, исторически российское общество сложилось как плюралистическое по духовным ценностям, социальной организации, культуре, традициям и образу жизни. Причем за исключением европейских анклавов преобладали сообщества с общинной корпоративной структурой, нераздельностью духовной и светской сфер жизни, колоссальным влиянием религии на общественное сознание и повседневную жизнь людей. На чем же держалось единство этого огромного разнородного конгломерата? Огромную роль в обеспечении стабильности и устойчивости многонационального сообщества играло централизованное унитарное государство. На всей территории существовали единое административное деление, единая система делопроизводства и суда, единое правовое и экономическое пространство. Районы, населенные кочевниками, как правило, включались в унитарную систему России без переходного периода.

Для остальных районов существовал определенный период адаптации к унитарному государству, в течение которого постепенно на новой территории вводились в действие законы России. Так, период адаптации Прибалтики составил более 60 лет. Еще большим он был для Украины, которая вошла в состав России, оговорив колоссальную автономию (выборный гетман, собственные войска — казаки, право на международную деятельность, таможенная граница и т. п.). В течение 128 лет шел процесс постепенного включения Украины в унитарную систему Российского государства. К началу XIX века от ее автономии не осталось ничего. В XIX веке, политическим вектором которого были ограничение самодержавия, введение конституции и демократических свобод, в качестве переходной формы практиковались протекторат (Бухарский эмират, Хивинское ханство, позднее, с 1914 года — Урянхайский край), а также предоставление отдельным регионам автономии (Финляндии, Польше). При пестроте и сегментарности обще-

ственной ткани государство неизбежно стремилось обеспечить свою целостность, постепенно включало и эти территории в унитарную систему. Но до революции 1917 года в полной мере сделать этого не удалось.

Другой фактор, обеспечивавший целостность общества на протяжении столетий, принято называть русификацией. Однако этот термин не совсем точно отражает суть процесса. Русификация, конечно, существовала, но не носила масштабного характера и, надо признать, была малоэффективной. Наливкин, много лет работавший в российской администрации в Средней Азии и хорошо знавший проблемы этого региона, писал: «Нарождалось новое явление местной жизни, попытка возможно широкого распространения среди туземцев знаний русского языка, русской грамоты и др. предметов нашего школьного преподавания, причем за этой официальной, гласной вывеской прятались смутные и тщательно маскировавшиеся негласные надежды на возможность русификации туземного населения, надежды, впоследствии оказавшиеся, безусловно, несбыточными» [2, с. 101]. Эти попытки русификации и в других мусульманских регионах были мало перспективными. Вот что писал путешественник конца XIX века об Азербайджане: «Трудно представить себе, что едешь по русскому царству. Нигде ни одного русского лица, ни одного русского слова, ничего русского. Хоть бы случайно где-нибудь мелькнул крестик православного храма, а ведь вот уже скоро целое столетие, как этот край считается русским» [3]. То же касается Прибалтики, Финляндии, Польши, где русификация не была значительной.

Особый разговор о русификации Украины и Белоруссии. Имеющие общие с великороссами исторические корни, общие черты в культуре и духовности, белорусы и украинцы сложились в самостоятельные этносы в составе польско-литовского государства при приоритете западной, европейской традиции, а не московской. Однако Великороссия со времен Ивана III считала себя прямой наследницей Древней Руси, добивалась единства всего православного населения под эгидой русской церкви и русского государства, не признавала вплоть до 1913 года право украинцев и белорусов на национальную самобытность. Они считались частью русского народа, а их языки — наречиями русского. Поэтому стремление развивать национальную культуру на Украине и в Белоруссии подавлялось жестче, чем в других регионах, русификаторская политика была более выраженной. Еще до революции здесь были созданы мощные русскоязычные анклавы, которые существенно влияли на судьбу этих народов.

На мой взгляд, следует вести речь о доминировании русского народа в общественной системе России (во всех сферах, и прежде всего в государственной). Господство русских выражалось в том, что все народы жили по законам, отражающим русскую культурную традицию. В органах власти высшего и среднего уровня преобладали русские, русский язык применялся в сфере управления. Православие имело приоритет по сравнению с другими религиозными конфессиями. Так, право на миссионерскую деятельность (борьба за умы и сердца людей) имела только православная церковь. Были и некоторые другие ограничения, особенно для ламаистов и «язычников», которые считались идолопоклонниками, а в соответствии с традициями православия это страшный грех. В наиболее трудном положении оказались «язычники», исповедовавшие верования предков, а не мировые религии. При Николае I началось преследование за исполнение «языческих» обрядов. В 1905 году указом императора было запрещено официально рассматривать ламаистов как идолопоклонников, но язычников это не коснулось [4].

Для того чтобы сгладить цивилизационные различия, государство стремилось формировать русскоязычные анклав в присоединенных территориях, превращая их в опору власти (они благодаря своему положению неизбежно заинтересованы в сохранении и укреплении унитарного государства). Анклавы создавались за счет переселения русских на новые территории и приобщения к русскому языку, русской культуре части местного населения. Правящая элита России состояла не

только из русских, постепенно она становилась многонациональной (хотя и русскоязычной). Уже в период Московского государства на службу к царю поступали татарские мурзы, выходцы из Литовской Руси. Затем в политической элите России появились и представители других народов. Что касается низовых органов власти, они состояли в основном из местного населения. Переселение русского — и шире — славянского населения на новые территории тоже не носило масштабного характера в дореволюционной России. В огромной Сибири к концу XVII века после 100 лет колонизации насчитывалось около 150 тыс. русских. В Амурскую область (в составе России с 1858 года) за период с 1859-го по 1882-й год переселилось всего 8709 крестьян [5, с. 75]. По переписи 1897 года, в Финляндии было только 14 018 русских (при общей численности населения более 2,5млн)[1, с. 76].

Стремление государства создать опору власти в лице русскоязычных анклавов не разрушало социокультурного плюрализма в обществе. Письменность в мусульманских регионах существовала на основе арабского алфавита, в буддийских — монгольского, в Молдавии, Польше — латиницы; у некоторых народов была своя самобытная письменность. Для того чтобы представить общество в его плюралистической реальности, приведем некоторые данные. В Дагестанской области (образована в 1846 году) в конце XIX века население насчитывало 586,6 тыс. человек (аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы, татары, русские, евреи и т. д.). Там работало 26 русских школ. С открытием специальных учебных заведений число русских школ увеличилось, к 1915 году их было 93. Но одновременно в Дагестане работало 740 мусульманских школ, 20 горско-еврейских, 1,7 тыс. мечетей неустанно утверждали традиции мусульманской культуры [5, с. 666].

В Бухаре в начале XX века при населении 70—100 тыс. человек было 360 мечетей, свыше 130 медресе и других учебных заведений [5, с. 322]. Агинский дацан (ныне территория Читинской области) был крупным центром буддизма. К 1917 году там действовали 9 храмов, несколько часовен (в том числе в честь коронации Николая II), работали богословская школа (чойра), школа тибетской медицины, типография. Дацан располагал ценнейшим и богатейшим собранием книг и ксилографических досок с религиозными текстами, был центром буддийского иконописания [5, с. 23]. В Бурятии до революции было 16 тыс. лам (монахов).

Как ни странно это звучит сегодня, самодержавное государство охраняло духовный и социокультурный плюрализм в обществе. Все неправославные конфессии пользовались правом свободного исповедания своей религии. Ограничения помимо миссионерской деятельности касались некоторых религиозных обрядов («язычество»). Право вести метрические записи о рождении, браке, смерти (важнейший социальный институт) было предоставлено всем конфессиям, кроме ламаистов и «язычников». Церковный брак признавался законным независимо от вероисповедания. Ограничения на переход из одной веры в другую, ограничения для смешанных с религиозной точки зрения браков также сохраняли мозаичность общественной ткани. Перейти из христианской веры в нехристианскую было нельзя. Еще более строгие ограничения существовали для православных: запрещен переход в другую христианскую (инославную) веру, не говоря уже о прочих. Переход из нехристиан в христиане был возможен, требовалось получить разрешение властей. С нынешних позиций это выглядит малопривлекательно, но разнородные социокультурные анклавы в российском обществе тем самым ограждались от размывания, поддерживалась непрерывность традиции социокультурного и духовного плюрализма.

Сказанное выше не означает, что жизнь в Российском государстве была идиллией. Даже небольшие переселенческие очаги, попытки русификации вызывали недовольство, протест. Но проблема была не столько в самой русификации, сколько в отсутствии прав и свобод, в произволе и жестком контроле государства, в бюрократизме и неизбежных при такой системе злоупотреблениях властью. Доминирование русских во всех сферах общества означало неравноправное поло-

жение других народов. Поскольку законы были русскими, в органах власти преобладали русские, протест часто (хотя и не всегда) принимал антирусский характер. Вот примеры из разных эпох. В 1705 году в условиях Северной войны, которая поначалу складывалась неудачно, к башкирам приехали царские чиновники и предъявили непомерные, с точки зрения кочевников, требования: выплатить чрезвычайный налог, выставить 1 тыс. солдат и 5 тыс. лошадей. Чиновники вместо диалога, обсуждения, поиска взаимопонимания повели себя высокомерно по отношению к башкирским вождям. В результате вспыхнуло восстание, которое продолжалось шесть лет и приняло антирусский характер. Сотни русских деревень были сожжены, множество крестьян было взято в плен и продано в рабство в Крым и на Кавказе. Башкиры, которые во второй половине XVI века добровольно вошли в состав России, стали искать возможности соединиться с единой Турцией.

Еще пример. Мобилизованные на тыловые работы в 1916 году казахи (их тогда называли киргизами) писали в жалобе: «Омским волостным правителем состоит Мадин Бибатыров, а его писарем Ахмет Татинов. Эти лица при мобилизационных работах допустили много незаконных действий, благодаря которым не были мобилизованы лица, подлежащие принятию на службу, и, наоборот, взяты подлежащие освобождению... Многих освободили благодаря мздоимству... Освободились все лица, имеющие деньги...» [6]. Злоупотребления, коррупция при осуществлении мобилизации на тыловые работы, произвол и нежелание работать с населением привели к масштабному восстанию, в ходе которого громили русскоязычных. Оба восстания, в Башкирии в XVIII веке и в Средней Азии в XX веке, были подавлены силой, поскольку не существовало механизмов согласования интересов власти и общества.

Сегментарность, цивилизационная неоднородность России, а также преобладание корпоративности в общественной системе создают угрозу ее распада в условиях кризисов, революций, ослабления централизованной власти. Распад огромного многонационального государства — катастрофа, которая несет неисчислимые бедствия и жертвы. Причем он страшен тем, что идет не только по линиям межцивилизационных границ, но и по всей ткани общества: рвутся нити, связующие корпоративные ячейки.

На протяжении многовековой истории Российское государство распалось трижды. В период Смутного времени государство не было таким большим, а цивилизационная неоднородность не была ярко выражена, поэтому это была катастрофа прежде всего для русских. Дважды распалось государство в XX веке: после провозглашения Советской власти в 1917 году и осенью 1991 года. Распад дошел до «дна», т. е. до полного разрушения общества и систем жизнеобеспечения в ходе гражданской войны 1918—1922 годов. В условиях глобальной катастрофы в особенно трудных условиях оказываются русскоязычные анклавы в национальных районах. Они вытесняются, частью истребляются. В то же время русскоязычные анклавы служат базой для воссоздания унитарного государства. После полного распада и гражданской войны государство восстановилось в 1922 году в более жестко централизованном варианте. В советское время социокультурный плюрализм в обществе разрушался, но не был преодолен. Осенью 1991 года в новых условиях и на новом уровне распад произошел в более «мягкой» форме: на большие части с четкой цивилизационной ориентацией (одни постсоветские государства ориентируются на Запад, другие — на Иран, третьи — на Турцию). Однако угроза дальнейшего развала России не ослабевает, поскольку она хотя и в меньшей степени осталась цивилизационно неоднородным обществом.

Как же определить цивилизационные парадигмы российского общества? Если взять три среза: духовный, социальный и политический (система власти), надо признать, что цивилизационная парадигма в XVI—XVII веках была восточной. Православие, мусульманство, буддизм утверждали приоритет духовных ценностей, общественная система была корпоративно-коллективистской (до начала XVIII века в составе России не было больших анклавов европейской

цивилизации), а государство строилось на принципах подданства и полностью контролировало общество. При этом Россия и тогда не обладала целостностью. Она была кочевой и оседлой, мусульманской и православной, языческой и буддийской. В дальнейшем, в XVIII—XX веках, цивилизационная парадигма развития была связана с особенностями модернизации страны. Как они влияли на общество и парадигму его развития, следует рассмотреть особо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991.
2. *Наливкин В. И.* Туземцы раньше и теперь. Очерк. Ташкент, 1913.
3. *Марков Е.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901. С. 109, 110.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXV. Отд. 1. СПб., 1908. С. 258.
5. Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994.
6. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1966. С. 539, 540.

Л. Семенникова, 1996